

мае.
1042
ча

отраслям труда, изъ которыхъ составляетъ крестьянскій домъ. „Вся перспектива жизни человѣческой раскрылась вновь передъ всеми живущими въ домѣ, и потому именно раскрылась эта перспектива отъ появленія молодой женской силы, что внесенное ею разнообразіе, по-видимому, только „женскихъ дѣлъ“, находилось, въ действительности, въ неразрывной связи съ разнообразіемъ всѣхъ дѣлъ мужиковъ и, только сливаясь воедино, давало смыслъ и содержаніе жизни цѣлой семьи. Ѣздить за дровами и топить печь, чтобы было только тепло,—скучно; но ѣздить за дровами для того, чтобы и тепло было, и чтобы молоко оттопить ребенку, и чтобы снать хлѣбъ, чтобы выстирать бѣлье, чтобы вымыть ребенка,—это дѣло стоящее, и поэтому „безпрѣменно“ надо ѣхать за дровами, хоть даже воровать. Вотъ, кажется, собственно на этомъ-то пунктѣ, т. е. на неразрывности женской и мужской трудовой жизни въ народной средѣ,—я и утратилъ незамѣтнымъ для меня образомъ то чрезъвычайно радостное ощущеніе „полноты“ существованія, которое получилось отъ чтенія „Романа графини“.

И вотъ гдѣ оказалась жизнь, соответствующая цѣлымъ числамъ! Въ суровой народной жизни, проникнутой нуждой, нищетой и мракомъ невѣжества, г. Успенскій—честь ему и слава!—сумѣлъ отыскать такія основныя черты народнаго строя жизни, которыя болѣе благоприятны для развитія полнаго существованія личности, чѣмъ въ какой либо другой средѣ. И не думаетъ всег. Успенскій объ устраненіи интеллигенціи (какъ недавно проповѣдывали разные мнимые народники), когда онъ рекомендуетъ вниманію образованнаго класса ту сферу народной трудовой жизни, въ которой болѣе или менѣе полное счастье встрѣчается сплошь да рядомъ.

Въ чемъ, собственно говоря, заключаются тѣ особенности строя народной жизни, на которыя указываетъ намъ нашъ талантливый писатель? Во первыхъ, въ семьѣ, въ которой мужчина и женщина неразрывно связаны между собою путемъ совместнаго труда. Въ народной жизни мужъ и жена должны быть постоянно вмѣстѣ, а то у нихъ своего дома не будетъ. Вторая особенность заключается въ солидарности между семьей и міромъ, т. е. общественной жизнью. Эти два фактора должны пользоваться обоюднымъ вліяніемъ. Только и всего. Больше ничего не требуется для полноты человѣческаго счастья.

„Степь“ г. Чехова представляетъ цѣлый рядъ свѣтлыхъ и мрачныхъ картинокъ степной природы, которыя автору

удалось наблюдать въ С—кой губерніи, во время „одной поѣздки“. Предъ нами проходитъ цѣлая галерея типовъ, вся жизнь и дѣятельность которыхъ такъ или иначе носятъ на себѣ неизгладимые слѣды вліянія безконечной степной равнины. Г. Чеховъ до такой степени раскрываетъ предъ глазами читателя всѣ прелести и обаяніе степной жизни, такъ глубоко заглядываетъ въ душу этой могучей, хотя подчасъ и однообразной природы, что его „исторію“ можно смѣло озаглавить: „Психологія степи и ея обитателей“. И не могъ г. Чеховъ пройти равнодушно мимо этого уголка нашей безконечной родины, не разоблачивъ предъ нашими глазами всѣхъ тайнъ, помысловъ и душевныхъ богатствъ ея природы: больно ужъ хороша и загадочна эта степь,—такъ хороша, что „въ торжествѣ красоты, въ излишкѣ счастья чувствуешь напряженіе и тоску, какъ будто степь сознаетъ, что она одинока, что богатство и вдохновеніе гибнуть даромъ для міра, никѣмъ не воспѣтыя и никому не нужныя, и свозъ радостный гулъ слышишь ея тоскливый безнадежный призывъ: пѣвца! пѣвца!“

И г. Чеховъ является ея достойнымъ пѣвцомъ!

„Исторія одной поѣздки“ заключается въ томъ, что два обывателя уѣзднаго г. рода М. (С—кой губерніи): м—скій купецъ Иванъ Ивановичъ Кузьмичовъ, бритый въ очкахъ и въ соломенной шляпѣ, больше похожій на чиновника, чѣмъ на купца, а другой—отецъ Христофоръ Сирійскій, настоятель м—ской Николаевской церкви, маленький, длинноватый старичекъ, въ сѣромъ парусиновомъ кафтанѣ, въ широкополомъ цилиндрѣ и въ шитомъ цвѣтномъ поясѣ,—однимъ раннимъ июльскимъ утромъ выѣхали изъ города въ степь, по своимъ торговымъ дѣламъ.

„Кромѣ только-что описанныхъ двухъ и кучера Дениски, неутомимо стегавшаго по парѣ шустрыхъ гнѣдыхъ лошадей, въ бричкѣ находился еще одинъ пассажиръ—мальчикъ лѣтъ девяти, съ темнымъ отъ загара и мокрымъ отъ слезъ лицомъ. Это былъ Егорушка, племянникъ Кузьмичова. Съ разрѣшенія дяди и съ благословенія отца Христофора, онъ ѣхалъ куда-то и ступить въ гимназію. Его мамаша Ольга Ивановна, вдова коллежскаго секретаря и родная сестра Кузьмичова, любившая образованныхъ людей и благородное общество, умолила своего брата, ѣхавшаго продавать шерсть, взять съ собою Егорушку и отдать его въ гимназію... Мальчикъ чувствовалъ себя въ высшей степени несчастнымъ человѣкомъ и хотѣлъ плакать“...

По всей „исторіи“ г. Чехова красной

→ в колл.
Транше
— 19 марта

нитью проходят впечатлѣнія, которыя выносятъ Егоруша изъ своего столкновенія съ загадочными картинами природы и тѣми типами степняковъ, которые встрѣчаются на его пути. Между прочимъ, вотъ какую поэтическую картину состоянія степи въ июльскіе вечера даетъ г. Чеховъ. „Въ июльскіе вечера и ночи уже не кричатъ перепела и коростели, не поютъ въ лѣсныхъ балочкахъ соловьи, не пахнутъ цвѣтами, но степь все еще прекрасна и полна жизни. Едва зайдетъ солнце и землю окутаетъ мгла, какъ дневная тоска забыта, все прощено, и степь легко вздыхаетъ широкою грудью. Какъ будто отъ того, что травѣ не видно въ потемкахъ своей старости, въ ней подымается веселая, молодая трескотня, какой не бываетъ днемъ; трескъ, подевыстыванье, царапанье, стелные басы, тенора и дисканты—все мѣшается въ непрерывный, моментальный гулъ, подъ который хорошо вспоминать и грустить. Однообразная трескотня убаюкиваетъ, какъ колыбельная пѣсня... Это, бываетъ, ѣдешь мимо балочки, гдѣ есть кусты, и слышишь, какъ птица, которую степняки зовутъ сплюкомъ, кому то кричитъ: „сплю! сплю! сплю!“ а другая хохочетъ, или заливается истерическимъ смѣхомъ — это сова. Для кого они кричатъ и кто ихъ слушаетъ на этой равнинѣ,—Богъ ихъ знаетъ, но въ крикѣ ихъ много грусти и жалобы... Ѣдешь и вдругъ видишь—у самой дороги стоятъ силуэтъ, похожій на монаха; онъ не шевелится, ждетъ и что то держитъ въ рукахъ... Не разбойникъ ли это? Фигура приближается, растетъ, вотъ она поравнялась съ бричкой, и вы видите, что это не человѣкъ, а одинокій кустъ, или большой камень... А когда восходить луна, ночь становится блѣдною и томной. Мглы какъ не бывало. Воздухъ прозраченъ, свѣжъ и тепелъ, всюду хорошо видно и даже можно различить у дороги отдѣльные стебли бурьяна...“

Въ чемъ можно упрекнуть г. Чехова, такъ это—въ изобиліи тѣповъ, встрѣчающихся на пути нашимъ путешественникамъ, частое повтореніе описаній природы, благодаря чему весь очеркъ растянулся до такихъ громадныхъ размѣровъ, что читатель, въ концѣ концовъ, чувствуетъ сильное утомленіе. Отъ этого страдаетъ также цѣльность впечатлѣнія. Но степь, въ описаніи г. Чехова, дѣйствительно полна жизни и такъ реальна, что когда читаешь описаніе грозы, то испытываешь такой-же ужасъ, какъ Егорушка, лежащій на одномъ изъ воевъ длиннаго обоза.

С. Фр—дъ.

<С. Б. Фридъ>